

Ю.Д. КАБАЛЕВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗНУТРИ
МОЙ ОТЕЦ – Д.Б. КАБАЛЕВСКИЙ
ДОПОЛНЕНИЯ К ПОРТРЕТУ

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вступление	3
Поездка к танкистам	3
Театральная новелла	4
Вроде капустников	14
Домашний досуг	14
Представитель сталинской эпохи	15
Встреча с чемпионом Парижа	17
Летний отдых	18
Слёзы (петухи)	19
Гололёд	20
Мои родители	21
Прогулка без штанов	22
Трагикомическая история (волейбол)	23
Ещё о волейболе	24
Последняя шахматная партия	25
Немного мрачной философии	26
«Подарок» ко дню рождения	27
Шахматные баталии	27
Неловкие положения	28
Панариций	29
Вторая семья отца	30
Воспитанность – не всегда хорошо	31
Артек	31
Курьёзные мелочи	32
Человек должен быть интересен	32
Весёлая игра без ничьих	33
Из записной книжки	36

ВСТУПЛЕНИЕ

Об отце было написано огромное количество книг, статей, всевозможных исследований различных сторон его жизнедеятельности. А сторон этих было чрезвычайно много: композиторская деятельность, музыковедческая, музыкально-просветительская, педагогическая, депутатская и т.д. и т.п.

Он при жизни входил в лидирующую «обойму» (являлся одним из ведущих) советских композиторов (Шостакович, Прокофьев, Хачатурян, Кабалевский) и потому, естественно, каждый шаг его многосторонней деятельности не оставался без внимания и появлялись очерк, заметка, рецензия или какой-нибудь другой плод писательской реакции.

Но есть мгновения жизни, которых никто не знает, потому что о них нигде не написано. Они представляют определённый интерес и, думаю, некоторую ценность, поскольку дополняют профессиональный образ какими-то бытовыми, жизненными характеристиками. Отец, к сожалению, не успел написать свои мемуары (хотя и начал их писать), которые несомненно представляли бы гигантскую ценность для лучшего понимания жизни в нашу эпоху. Он встречался с очень многими известными людьми нашей планеты, участвовал во многих мероприятиях музыкальной и политической жизни.

...Я не помню мою жизнь с отцом в детские годы, так как война отшибла у меня всю память. Я хорошо помню первый день войны – воскресенье, 22 июня 1941 года (когда мы с мамой ехали с дачи и чему-то радовались и смеялись, а на нас смотрели, как на сумасшедших) и то, что было дальше, но довоенная жизнь вся стёрлась. Всю остальную жизнь я никогда не жил с отцом, поэтому мои воспоминания носят характер отдельных мгновений-вспышек, засевших в голове по той или иной причине, а также я привожу его воспоминания, которыми он делился со мной во время различных встреч. К сожалению, я никогда не вёл дневники, и многое, даже из тех не слишком многочисленных встреч с отцом, забылось. Поэтому воспоминаний сравнительно немного, но всё, что было – без домыслов.

ПОЕЗДКА К ТАНКИСТАМ

Летом 1943 года я вернулся из эвакуации в Москву. И хотя война шла уже далеко от Москвы, каждый вечер наша столица покрывалась тьмой: все окна закрывались светонепроницаемыми чёрными бумажными тяжёлыми занавесями, специально сшитыми для затемнения. Однажды я забыл закрыть эти занавеси и военный патруль, который каждый вечер следил за светомаскировкой, пришёл к нам и оштрафовал маму. Мама же не

успела придти с работы домой засветло, а меня не предупредила о светомаскировке, надеясь на мою сообразительность: ведь мне уже было 12 лет.

В те военные годы отец был начальником Всесоюзного радиокомитета и зимой 1943-1944 гг. должна была состояться одна из многочисленных поездок бригад музыкантов в воинскую часть. Поездку эту возглавлял отец и он захотел взять меня, поскольку поездка была не на фронт, а в Подмосковье, где размещалась одна из танковых частей прославленного маршала Рыбалко.

Мама была категорически против моего участия в этом далеко не стандартном поступке в моей жизни, поскольку я был нездоров: что-то с желудком. Но именно поэтому, потому, что такое запоминается на всю жизнь, отец упорно уговаривал маму и та нехотя согласилась.

И вот, в один из ясных зимних дней две или три машины повезли бригаду московских артистов в подмосковный лес, чтобы выступить перед танкистами (они стояли или в резерве или на передислокации). В этой бригаде находились, в частности, известные в ту пору во всей стране певцы: Владимир Бунчиков и Владимир Нечаев. Для меня, мальчишки, всё было ново, интересно, романтично.

Но особенно запомнился ужин, когда я со всеми по русской традиции пил водку или разбавленный спирт, правда, почему-то – из оловянной ложки! Это отец, помня мамины опасения, в целях профилактики или дезинфекции приобщил меня к крепкому напитку. Кстати, ни отец, ни я никогда слишком не увлекались этой опасной жидкостью, воспринимая её всегда как практическую неизбежность за праздничным столом.

ТЕАТРАЛЬНАЯ НОВЕЛЛА

Передо мной лежит стопка почтовых открыток. Они хорошо сохранились, несмотря на их почтенный возраст – более 60 (!) лет. На каждой из них есть штамп: «Просмотрено военной цензурой» – этот отличительный знак стоял на каждом письме или открытке времён Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг. В этих 28-и открытках отец изо дня в день на протяжении месяца рассказывал мне забавный случай из его школьной жизни, жизни старшеклассников, интересы которых (так же, как и в наше время) не ограничивались одной лишь учёбой. Вот эта «театральная новелла» начала XX века. (2 фотографии открытки)

Открытка 1-ая   02.12.1942

Я учился тогда в 8-м классе школы. Был у меня большой товарищ Олесь Воротынский (впоследствии – известный фотограф Ю.К.). Зимой, когда кончились зачёты

за 1-ое полугодие, мы с ним, как руководители драмкружка решили поставить спектакль. Задумали поставить две пьесы: одну грустную и одну весёлую. Я был всегда большим весельчаком, а Олесь, наоборот, всегда ходил с таким лицом, как будто только что проглотил целую банку горчицы. Но вот почему-то (такие ошибки часто случаются в жизни) я решил поставить пьесу грустную, а Олесь – весёлую. Это была роковая ошибка, и отсюда начались все наши неприятности.

Продолжение в следующей открытке...

Открытка 2-ая   03.12.1942

Я выбрал для постановки пьесу знаменитого русского писателя Куприна «Клоун», а Олесь – весёлую пьеску какого-то неизвестного автора «Именины Леночки». В пьесе «Клоун» показано, как старый цирковой клоун должен выходить на арену и смешить своими кривляниями публику в то время, как его сын – цирковой гимнаст – только что разбился насмерть, сорвавшись с трапеции из-под купола цирка. Это – настоящая трагедия. В «Именинах Леночки» шутники подлили имениннице в вино касторки и этим испортили ей весь праздник. Это – настоящая комедия. Но неудовлетворившись тем, что мы стали режиссёрами, мы с Олесем решили выступить и в качестве актёров-исполнителей главных ролей, каждый в своей пьесе. Это была наша вторая и самая роковая ошибка...

Открытка 3-я   04.12.1942

Итак, я решил стать режиссёром пьесы «Клоун» и исполнить в ней главную роль – клоуна, а Олесь решил стать режиссёром пьесы «Именины Леночки» и исполнить в ней главную роль – шутника, который затеял историю с касторкой. Мы с ним приступили к обдумыванию постановки и к распределению ролей. Охотников нашлось среди наших школьных товарищей и подруг даже больше, чем требовалось. Пришлось многим отказать. Те, конечно, обиделись, рассердились на нас и, таким образом, уже в самом начале работы у нас появились враги, которым страшно захотелось, чтоб наш спектакль провалился. Однако мы с Олесем убедили друг друга в том, что мы с ним великие актёры и успех нашего театрального предприятия, казалось нам, лежит у нас в кармане. Мы были слишком самонадеянны и поплатились за это жестоко...

Открытка 4-ая   05.12.1942

Началась горячая пора. Все роли были разучены наизусть. Утром мы устраивали репетиции. Днём общими усилиями мастерили декорации из старых тряпок, досок и

бумаги. Потом бегали по друзьям, собирая всякое добро, из которого можно было соорудить костюмы, парики и грим. А вечером, перед тем, как расстаться, мы с Олесем долго беседовали о том, как все признают в нас замечательных актёров. Репетировали мы в соседних классах. Из-за одной двери доносились страшные вопли, похожие на те звуки, которые издают коровы на бойне, почувствовав, что их сейчас будут резать. Это я репетировал свою роль. Я был уверен, что от этих звуков публика в зале будет плакать горькими слезами...

Открытка 5-ая   06.12.1942

Из-за другой двери раздавались ещё более страшные звуки. Можно было подумать, что там, по меньшей мере, десять человек умирает от неудержной икоты. Это Олесь репетировал свою роль, полагая, что издаваемые им звуки есть ничто иное, как страшно весёлый смех, от которого публика в зале будет в изнеможении хохотать сама. Изредка мы показывали свои достижения друг другу и оба оставались очень довольны. Наши партнёры – товарищи и подруги – игравшие другие роли старались изо всех сил быть грустными, когда я издавал свои вопли и быть весёлыми, когда Олесь истошно икал. Это были хорошие товарищи и честные актёры. Они хорошо старались, и иногда им удавалось достигнуть неплохих результатов...

Открытка 6-ая   07.12.1942

Однажды, это было за два дня до спектакля, нас едва не постигла катастрофа. Мы решили устроить генеральную репетицию. Когда все актёры, участвовавшие в обеих пьесах, собрались в классе, где мы репетировали – мы с Олесем решили запереть дверь, чтоб нам никто не мешал. Однако ключа от двери не оказалось. Это нас не смутило и мы дружными общими усилиями устроили в дверях мощную баррикаду из парт и стульев. Всё было в порядке и репетиция началась. Всё получалось отлично. Но когда я, узнав от директора цирка о случившемся несчастье, стал издавать свои ужасные, душераздирающие вопли, раздался стук в дверь. «Не мешайте нам работать», – закричал я ещё более страшным голосом. Стук повторился ещё и ещё. «Мы пожалуемся директору школу», – закричал Олесь, и в этот миг от сильного рывка баррикада со страшным грохотом рухнула и дверь отворилась...

Открытка 7-ая   08.12.1942

В дверях, среди развалившихся парт и стульев стоял директор школы. У него был такой грозный и величественный вид, что Олесь, только что грозивший «пожаловаться

директору», остался стоять с открытым ртом, а я почувствовал, как у меня что-то тихо булькнуло в горле – это был, вероятно, очередной, уже приготовленный, но ещё не изданный клоунский вопль. «Что это значит?» – угрожающе спросил директор. Мы молчали. «Я спрашиваю, что это значит?» – ещё более угрожающим тоном повторил директор свой вопрос. «Ре-пе...», «Пе-пе...», «Пе-ти...», «Ти-ти...», жалобно бормотали мы с Олесем, забыв о том, что мы великие актёры и превратившись в струсивших школьников. «Репетиция... клоуны... Леночка...» – пояснил один мальчик похрабрее. «Репетиция? – сказал директор. – А уже парты ломаете? Этак вы на спектакле всю школу перевернёте! Запрещаю и отменяю ваш спектакль»...

Открытка 8-ая   09.12.1942

Прежде, чем мы успели довести до сознания – какое стряслось с нами несчастье – директор вышел из класса также стремительно и неожиданно, как и появился в нём. Несколько секунд спустя мы уже обсуждали (теперь уже шёпотом!) создавшееся положение. А ещё несколько секунд позже мы с Олесем уже стояли перед директором в его кабинете. Преодолев смущение, я начал свою речь: «Иван Григорьевич (так звали директора), извините нас, пожалуйста!». Иван Григорьевич посмотрел на нас ещё суровым, но уже чуть-чуть добрым взглядом. «Иван Григорьевич, ведь правда, что у нас с Олесем по всем предметам «отлично»?» – продолжал я. Иван Григорьевич кивнул головой. «Ведь правда, у нас по поведению тоже «отлично»? Ведь правда, мы хорошо выполняем свою общественную работу?» Тут уж глаза Ивана Григорьевича стали совсем добрыми, потому что вообще он был хоть и строгим, но очень справедливым и добрым директором. А нас с Олесем он любил не только за то, что мы хорошо учились, но и за то, что всегда помогали ему во всех школьных делах. «Ну, вот что, друзья мои», – сказал он...

Открытка 9-ая   10.12.1942

...вы хорошие школьники и славные ребята. Вы подняли на своей репетиции невообразимый шум и едва не переломали в классе все парты и стулья. Это очень нехорошо. Но вы сами это поняли, и я не хочу омрачать ваши каникулы. Обещайте мне в дальнейшем репетировать без такого шума, а я уж приду на ваш спектакль – готовьте его получше. Мне ребята говорили, что вы хорошие актёры!» Мы с Олесем, довольные и счастливые, переглянулись: «Ага, все начинают понимать, что мы великие актёры!..» Радостно поблагодарив Ивана Григорьевича, мы опрометью бросились к своим друзьям, которые с волнением ждали окончания наших переговоров. Мы рванулись с места так

стремительно, что я, конечно, зацепился за угол печки и только каким-то чудом удержался на ногах, едва не растянувшись тут же на глазах Ивана Григорьевича. Но Иван Григорьевич уже не сердился. Ведь он нас любил, а мы были всё-таки хорошие и весёлые школьники...

Открытка 10-ая   11.12.1942

Итак, недоразумение было улажено. Репетиции благополучно продолжались. Настал долгожданный день. В школе висели большие афиши, обещавшие зрителям много интересного. После спектакля был объявлен концерт, а после концерта – танцы. Все приготовления были закончены. Декорации и костюмы были сделаны, как нам казалось – замечательно. Перед сценой висел розовый занавес, раздвигающийся при помощи двух верёвок. Спектакль был назначен в шесть часов, но мы с Олесем с раннего утра были уже в школе и проверяли все мелочи. Ночь накануне этого дня мы, конечно, не спали. Наконец, сбегав домой пообедать, и, вернувшись в школу к четырём часам, мы застали всю труппу в сборе. Не было только Ляли Добрушина, игравшего в «Клоуне» директора цирка. Я был в отчаянии!..

Открытка 11-ая   12.12.1942

До начала спектакля оставалось около часу, но Добрушин не появлялся. Все актёры были в костюмах и гриме. Они смотрели на меня так, как будто я мог предотвратить эту новую, нависшую над нами опасность катастрофы: ведь если Добрушин не придёт – спектакль придётся отменять. При одной мысли об этом я вспотел так, что капли, крупные капли, текли по моему лицу, густо покрытому клоунским гримом. В зале, отделённом от нас розовым занавесом, шумели зрители, нетерпеливо ожидавшие начала спектакля. До назначенного срока оставалось двадцать минут. Я почувствовал как пот струйками потёк из-под моего рыжего парика. От волнения я хватался всё время за лицо и так размазал весь грим, что трудно было разобрать на нём: где нос, а где глаза. Оставалось пять минут. Вдруг кто-то крикнул: «Ляля пришёл!» Это было верно. Наконец пришёл Ляля. Но когда я взглянул на него, моим глазам представилась страшное зрелище...

Открытка 12-ая   13.12.1942

Чёрная полоса пластыря пересекала Лялину щёку от левого уха до уголка губ. По обе стороны её виднелись следы запёкшейся крови. Глаза у Ляли были грустные и виноватые. Он боялся говорить, так как когда сильно раскрывал рот – пластырь отклеивался и из раны начинала капать кровь. Я был в ужасе от этого зрелища. Что

случилось? Кто посмел наброситься и ранить так жестоко нашего товарища? Две фразы, сказанные Лялей одной лишь правой половиной рта (он как-то быстро приспособился разговаривать так, что двигалась одна правая часть губ), сразу всё разъяснили. Бритва! О, ужас! Ляля, с того, кажется, момента, как родился на свет, мечтал о том, как он впервые в жизни наконец побреется. И надо же было ему попробовать это сделать за час до нашего спектакля. Побриться он не побрился, так как и бороды-то у него не было, а щёку разрезал так, что едва соединил обе половинки вместе...

Открытка 13-ая   14.12.1942

Однако чувство товарищества и любовь к искусству заставили Лялю преодолеть страдания, и он всё же пришёл и решил участвовать в спектакле. «Как же ты будешь играть? Тебе по пьесе надо громко кричать, выгоняя меня на арену перед публикой (Ляля ведь играл директора цирка), а ты даже шёпотом говоришь едва-едва?» – «Как-нибудь сыграю», – прошипел Ляля правым уголком рта. Публика неистовствовала. Надо было начинать спектакль. «Давай третий звонок!» – сказал я своему помощнику, и при этом у меня было ощущение, будто я сам подписал приказ о своей казни. Ляле мы нацепили большие чёрные усы, скрывшие шрам и пластырь от глаз публики. Я вышел на сцену. «Поднимай занавес», – скомандовал я отчаянным шёпотом. Занавес раздвинулся. Тут только я понял, что произошла непоправимая ошибка. Но было поздно...

Открытка 14-ая   15.12.1942

Зал замер в ожидании. Не меньше, чем сто пар глаз смотрели на меня. А я – великий актёр, сидел на стуле весь потный и мучительно старался вспомнить первые слова своей роли, с которой начиналась пьеса. Сколько времени я думал – не знаю, мне казалось, что целую вечность. Но это не важно, важно другое: слов этих я так и не вспомнил! Я впал в состояние, похожее на сон. Очнулся я от каких-то странных звуков. Что это? Не может быть? Увы, никаких сомнений не было. В зале кто-то рассмеялся. Потом хихикнуло что-то совсем рядом, отдалось в конце зала и тогда стали смеяться почти все. Какая-то девочка сказала очень спокойным и деловым тоном, видимо объясняя происходящее своей непонятливой соседке: «Забыл роль». У меня закружилась голова и начало тошнить...

Открытка 15-ая   16.12.1942

Тогда я собрал все свои силы и произнёс какую-то невнятную фразу, смысл которой даже для меня самого оставался совершенно неясным. Зал понемногу успокоился.

На выручку пришёл Ляля Добрушин. Не дожидаясь того, когда я произнесу наконец нужные слова – он вышел на сцену и стал говорить то, что ему полагалось по его роли. Однако он говорил, как известно, одним правым углом рта и получалось это так тихо, что в зале раздался крики: «Громче, громче!» Кто-то зашикал. Ляля беспомощно посмотрел на меня, потом на публику и вышел со сцены. Я снова остался один. Положение опять стало невыносимо трудным. Но тут меня опять выручил, на этот раз уже Олесь...

Открытка 16-ая   17.12.1942

Дело в том, что сцена изображала артистическую комнату цирка, дверь из которой выходила как будто на арену цирка. И вот Олесь, стоя за кулисами, должен был с ещё несколькими ребятами изображать шум публики в цирке, аплодисменты и все прочие шумы. Так вот, он понял, наконец, что у меня на сцене происходит нечто неладное и решил подводить пьесу к концу, как у нас говорят «закругляться». Поэтому он бросил с силой об пол скамейку, что должно было изображать падение моего сына гимнаста из-под купола цирка и вместе с другими ребятами стали испускать крики ужаса. Это сразу привело меня в чувство и я стал быстро и громко произносить свою роль. Ляля тоже взбодрился и выбежал на сцену...

Открытка 17-ая   18.12.1942

Как полагалось по пьесе я стал суетиться, плакать и произносить всякие грустные слова, а Ляля (директор цирка!) стал требовать, чтобы я выходил на арену развлекать публику, сидящую в цирке. И тогда я истощным голосом завопил: «Выведите конюшню из лошадей» (вместо: лошадей из конюшни). Зал разразился весёлым смехом (в такой-то трагический момент!) и одобрительными криками по моему адресу. Тут уже наши зрители окончательно решили, что им показывают комедию, по ошибке названую в афише трагедией. Ляля вновь появился на сцене и сообщил мне, что лошади готовы. Я должен был (по пьесе) в этот момент кинуть ему в лицо шляпу и убежать на арену с криком: «Я плисол, я плисол!»... И тут-то произошло самое страшное...

Открытка 18-ая   19.12.1942

Я потянулся рукой за шляпой, но только тут заметил, что её забыли положить, она осталась где-то за кулисами. Тогда я схватил со стола первый попавшийся под руку предмет и бросил его в Лялю. Этот предмет оказался пустой (к счастью!) чернильницей. Прежде, чем я успел крикнуть своё клоунское «я плисол!..» и выбежать со сцены, – закричал Ляля. Однако то, что он закричал не было указано Куприным в его пьесе. Он

закричал, впервые за всю пьесу показав свой полный голос: «Митька! Ай! Ай!» Я в ужасе застыл как истукан. Ведь надо же было случиться так, что я угодил чернильницей Ляле в лицо! Мало того: прямо в левую щёку, заклеенную пластырем. Ещё раз вскрикнув: «Ай, Митька!» – Ляля схватился за окровавленную щёку и выскочил со сцены...

Открытка 19-ая   20.12.1942

Я понял, что ту часть программы, которая состояла из пьесы Куприна «Клоун» в постановке и с участием в главной роли ученика Кабалевского, можно было считать законченной, вернее провалившейся. Чтобы хоть как-то довести пьесу до конца, я, покрикивая «я плисол, я плисол!» и одновременно давая знаки Олесю, чтоб он закрывал занавес, вышел со сцены какой-то корявой, покачивающейся от волнения и напряжения походкой. Однако моих последних слов уже никто не слышал. Зал трясся от неудержимого хохота наполнявшей его публики. Занавес закрылся. «Первое отделение окончено. Антракт», – услышал я как сквозь сон слова нашего распорядителя, пытавшегося перекричать публику...

Открытка 20-ая   21.12.1942

Я сидел за кулисами на стуле унылый, мрачный и сочувственно смотрел на то, как Ляле делали какие-то примочки, останавливая кровь из пореза на щеке. И в этот унылый момент мне в голову пришла, наконец, умная мысль. Я отчётливо понял, что я очень плохой актёр и очень плохой режиссёр и, что мне никогда больше не следует браться за это дело. Вот Олесь – это другое дело: он действительно замечательный актёр. Я посмотрел на него. В этот момент Олесь шёпотом повторял свою роль. У него был великолепный вид настоящего актёра. Тут я даже поддался очень плохому чувству – зависти. Прозвонил третий звонок. Начиналось второе отделение: комедия «Именины Леночки». Олесь дал знак поднимать занавес...

Открытка 21-ая   22.12.1942

Едва поднялся занавес, как Олесь стал непрерывно издавать те звуки, которые, как я уже говорил, напоминали тяжёлую икоту. Однако публика так нахохоталась во время моей «трагедии», что это не производило на неё ровно никакого впечатления. Она сидела молча. Впрочем, надо сказать, что в поведении Олесья, действительно ничего смешного не было. Да и вид у него как всегда был чуть кисловатый, с оттенком меланхолии. Однако я, желая самым искренним образом поддержать своего друга в беде (а я то уж знал теперь

хорошо, что такое беда на сцене!), сидя в своём укрытии за кулисами и поглядывая в дырочку, проковырянную пальцем в декорации, начал громко и неестественно смеяться...

Открытка 22-ая   23.12.1942

Мой смех прозвучал одиноко и как-то некстати. Кто-то из ребят, сидящих в зале, крикнул: «Эй, ты, за сценой, перестань смеяться, не мешай смотреть спектакль». Я замолчал и понял, что публике не до смеха. А на сцене события продолжали разворачиваться своим чередом. «Гости» собрались на именины к Леночке. В то время, как Леночка готовилась к именинному пиршеству и накрывала на стол, а гости радостно суетились вокруг неё, несколько шутников, главного из которых играл Олесь, задумали сыграть с Леночкой смешную, но злую шутку...

Открытка 23-ая   25.12.1942

Когда Леночка накрыла на стол и повернулась, чтоб пригласить гостей садиться, шутники подлили в её чашку изрядную порцию касторки. Леночка выпила, не заметив этого, всё содержимое чашки залпом и... сразу же почувствовала себя неважно. Каждый из нас хоть раз в жизни испытал на себе действие касторки и может себе представить поэтому самочувствие нашей именинницы. Девочка, которой была поручена роль Леночки, играла эту роль так хорошо, как будто это была не пьеса, а всё происходило на самом деле. Публика так и подумала. Дело в том, что Олесь по ошибке, когда вливал в чашку «касторку» встал спиной к публике и поэтому никто ничего не увидел. А когда он раньше говорил о своей затее – я в этот момент за кулисами смеялся, поэтому никто ничего не услышал...

Открытка 24-ая   27.12.1942

Теперь представьте себе, что получилось: публика не услышала и не увидела самого главного в пьесе и как раз того, что её должно было рассмешить. А что же она увидела? Увидела, как именинница встречает гостей и собирается их угощать. В этом, конечно, ничего смешного нет, и публика даже не собиралась смеяться. Потом она видит, как девочка, игравшая Леночку, вдруг скрючилась, как будто у неё что-то заболело и выскочила со сцены. Как и полагалось по пьесе «гости» стали удивляться и беспокоиться: не заболела ли Леночка. К счастью, через минуту Леночка снова весело вбежала на сцену со словами (по пьесе так полагалось): «Не беспокойтесь, я пошутила»...

Открытка 25-ая   29.12.1942

Но в ту же минуту, едва гости захотели выпить за здоровье именинницы, как она вновь схватилась за живот и опять бросилась со сцены. Тут уже случилась неприятная история. В зале среди публики присутствовал наш школьный врач, очень добрый, но не очень сообразительный человек. Он решил, что «артистка» действительно плохо себя почувствовала и со словами: «Прекратите спектакль, разве вы не видите, что девочка захворала», - стал пробираться из последнего ряда, где он сидел, на сцену...

Открытка 26-ая   01.01.1943

Вмешательство врача вызвало полный переполох и в зрительном зале, и на сцене. Поднялся невообразимый шум, и продолжать спектакль не было никакой возможности. Один Олесь ещё некоторое время пытался играть свою роль и нервно смеялся своим икательным смехом, но и он быстро замолк. А врач волновался: «Что же это такое? Одному артисту щёку в кровь разбили, у другой артистки живот разболелся! Это больница какая-то, а не театр». С большим трудом уговорили врача и объяснили ему, что это только роль у неё такая – с больным животом. Но было поздно – спектакль был сорван...

Открытка 27-ая   02.01.1943

Итак, первая часть вечера была закончена. Моя трагедия, во время которой публика должна была сидеть молча, с напряжённым вниманием, прошла под оглушительный хохот зрительного зала. А комедия Олесь, во время которой публике полагалось смеяться до упаду – прошла при гробовом молчании и окончилась трагическим вмешательством в пьесу врача. После антракта должен был начаться концерт, потом танцы. Но мы с Олесем не могли оставаться в школе. Не глядя друг на друга, мы молча вышли с ним на улицу...

Открытка 28-ая   05.01.1943

Некоторое время мы шли не говоря ни слова – обдумывали происшедшее. Потом я мрачно произнёс: «Да...» Олесь столь же мрачно ответил: «Да...» С этого начался наш дружеский разговор. Говорили мы недолго и пришли к выводу, что в жизни бывают разные ошибки. Мы, например, ошиблись, решив стать актёрами. «Никогда больше не полезем на сцену», – к такому заключению пришли мы с Олесем. С тех пор прошло 20 лет. Многими делами за это время занимались мы с Олесем, но никогда не пытались больше стать «великими актёрами». Сейчас, встречаясь с Олесем, мы весело вспоминаем о той грустной истории, которую я рассказал тебе в 28 открытках. Конец.

ВРОДЕ КАПУСТНИКОВ

Я очень любил находиться с отцом в больших компаниях независимо от того, что это: волейбольное поле или встреча Нового года, или застолье. Отец был как всегда интересен, энергичен, остроумен. Ему было одинаково комфортно и в профессиональной среде солидных людей, и с детьми разных возрастов. Он легко находил темы для разговоров, а его эрудиция и удивительные ораторские способности делали эти встречи особенно привлекательными.

Помню, в Доме творчества и отдыха композиторов под городом Иваново изредка музыканты (отдыхающие) устраивали весёлые вечера-капустники, где разыгрывались театрализованные шарады, забавные смешные сценки. В них, кроме отца, принимали участие: В.И. Мурадели, В.В. Борисовский (1900-1972 – альтист, участник квартета им. Бетховена), Е.Э. Жарковский (1906-1985 – композитор) с сестрой и другие. Запомнилась атмосфера таких вечеров – лёгкость, непринуждённость, азарт.

Запомнились и несколько вечеров в Москве, когда в связи с празднованием дня рождения отца собирались гости – человек по 15-20. Сначала – весёлые, яркие беседы и тосты за столом, затем все переходили в кабинет к роялю и начинались забавные музицирования. Так, при исполнении фрагмента из оперы «Тангейзер» Р. Вагнера, в левой руке появлялась платяная щётка, чистящие движения которой (от рояля к себе) довольно точно имитировали аккорды. В вальсе Ф. Шопена правая рука исполнителя, перекатывая кругообразно ладонью по клавишам теннисный мячик, виртуозно изображала игру пианиста. Была и такая забава: на клавиатуру клали полотенце и играли «вслепую». Очень весёлыми были пародийные номера на манеру исполнения разных пианистов (А.Б. Гольденвейзер, К.Н. Игумнов и некоторые другие).

Подобные вечера, ввиду участия в них высокопрофессиональных и культурнейших людей, всегда проходили с большим вкусом, весело и интересно.

ДОМАШНИЙ ДОСУГ

Как известно, у творческих работников нет понятия «рабочий день». Они работают, «творят» по вдохновению – бывает, что даже ночью. Поэтому понятие «досуг» у них достаточно размыто, неопределённо.

Отец не любил смотреть телевизор и этим можно объяснить, что долгое время телевизора в квартире не было. Свободный вечер, если такой выдавался, отец предпочитал проводить в театре, на концерте, в цирке (он очень любил этот вид искусства!) или просто отдохнуть дома с книгой в руках.

Правда, было, как будто, одно исключение. Когда в такой свободный вечер я оказывался у отца в доме, мы, все четверо (отец, Лариса Павловна, Маша и я), дружно садились за стол и с книжной полки доставалась удивительная китайская игра – «маджонг» (я так и не знаю до сих пор, как это слово пишется, поскольку его нигде не встречал). Эта игра похожа на карточную игру «кункен», но только вместо карт игра ведётся камнями прямоугольной формы (примерный размеры 3х2х2 см), у которых основание деревянное, а верх – камень с изображением иероглифов (аналогично масти и очкам в картах). Как будто эту игру привезла из Китая сестра Ларисы Павловны – Нора; больше нигде я не видел эту игру и ничего о ней не слышал. С возрастом, когда, естественно, отец к вечеру больше стал уставать от работы (а работал он, хоть и не так интенсивно – всё-таки возраст больше 80 лет), он частенько коротал вечера с Ларисой Павловной за картами.

Изредка (по крайней мере, для меня, а может быть и вообще) в квартире собирались большие компании и бывало весело, смешно и интересно (см. «Вроде капустников»).

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Этот кусок воспоминаний мне очень трудно писать: какие выбрать слова, чтобы не только правильно выразить свою мысль, но и чтобы читатели правильно поняли суть дела.

С одной стороны отец был очень умный, здравомыслящий и весьма эрудированный человек. Он прекрасно мог выделять главное в различных сложных проблемах, у него безукоризненно работало логическое начало. К нему часто обращались за советами, к его мнению прислушивались. Его уважали, но многие не любили (кому хочется чувствовать себя глупым в сравнении?).

С другой стороны, он, как и абсолютно подавляющая часть профессиональной и политической элиты (отец много лет был не только депутатом Верховного Совета СССР, но и заместителем председателя Совета Национальностей), был членом КПСС.

Видел ли он, что происходит вокруг? Как он воспринимал нашу действительность? Уж не про таких ли как он ходил в то время анекдот: «Мне нужен доктор «ухо-глаз». – «Такого нет. Вам наверное нужен доктор «ухо-нос»?» – «Нет – «ухо-глаз»: ухо слышит одно, а глаз видит совсем другое».

Как он совмещал в себе культурного, рафинированного интеллигента и подвергнувшегося массовому гипнозу «зомби»?

Я ещё в 40-50-е гг. пытался говорить с отцом на эти «щекотливые» темы, но совершенно безуспешно. Его логика и эрудиция всегда ставили меня на своё место, показывая, что я ничего не понимаю (и я действительно очень много не понимал).

Меня поражали некоторые его высказывания и поступки.

Как-то, говоря о высших воинских чинах, об их вкладе в победу в Великой Отечественной войне, отец высказал такую мысль: «А вот у Сталина наград мало, но ему и не надо – он настолько...» и пошли рассуждения о его роли в жизни нашего народа. Хотя, надо отдать отцу должное, он никогда не писал произведений, восхваляющих Сталина.

С Мироном Семёновичем Вовси отец хорошо был знаком и я его видел несколько раз. Он мне очень понравился, этот милый пожилой врач-терапевт. И когда в 1953 году было опубликовано «дело врачей», я в первый же свой приход к отцу с удивлением и негодованием спросил: «Папа, этого же не может быть! Ты же знаешь Мирона Семёновича!» «Но ведь «Правда» написала», - был ответ... Причём я очень хорошо помню, что во время этого разговора отец разбирал ящик своего стола. Вот он вытащил фотографию, чуть посмотрел на неё и разорвал. Это была фотография М.С. Вовси.

1958 год. 1-й конкурс им. П.И. Чайковского. Председатель конкурса – Т.Н. Хренников. Председатель жюри пианистов – Д.Б. Кабалевский. Много известных имён, но есть и неизвестные юные дарования. В частности, среди делегации США – «тёмная лошадка» – Ван Клиберн. И вот 3-й тур. Клиберн не голову (если не больше) обошёл всех. Ясно, что он победитель, ему надо давать первую премию. Но... Сейчас это кажется диким, фантастическим бредом, но тогда всерьёз рассматривалась мысль: на ПЕРВОМ конкурсе РУССКОГО композитора победитель будет АМЕРИКАНЕЦ? И вот уже Тихон Николаевич и отец идут в... в органы КПСС (кажется, в то время в ЦК КПСС за культуру «отвечал» Кухарский). А как же? Надо было в то время спросить разрешения у Партии: можно ли сделать так-то и так-то? Хорошо ещё, что это был 1958 год, а не раньше. Ведь в 1952 году, за проигрыш футболистам Югославии некоторые наши футбольные деятели лишились звания, а команда ЦДКА была расформирована – за подрыв престижа (?) советского спорта и советского государства (!).

Когда мой друг с семьёй уезжал в США, отец категорически был против того, чтобы я его провожал и в дальнейшем переписывался. «Он переезжает к врагам и будет работать против нашей страны».

Подобных примеров можно привести ещё много, но я привёл их не для того, чтобы очернить отца, представить его в невыгодном для него свете.

При жизни отец пользовался беспрекословным авторитетом. Он был принципиальным человеком, решительным и настойчивым. Он с огромной ответственностью подходил к выполнению любой выполняемой им деятельности. Как депутат он вёл огромную переписку, выполняя по возможности просьбы своих избирателей (приобретение музыкального инструмента для отдалённого посёлка, содействие в пересмотре уголовного дела и масса других больших и малых дел). Причём обязательно на КАЖДОЕ письмо с просьбой следовал ответ (или отца, или его секретаря).

С такой же тщательностью он делал и остальное: вёл уроки в школе по программе, разработанной им и его лабораторией, писал музыковедческие работы и т.д. и т.п.

Просто я хотел приведенными выше примерами показать, что даже такой умнейший и честнейший представитель советской интеллигенции, как отец, был глубоко поражён гипнозом Сталина и худшими сторонами коммунистической пропаганды.

Что уж тогда говорить о людях, у которых планка нравственности была значительно ниже? Отсюда – массовые доносы и всеобщая подозрительность, 1937 год, апатия, страх и другие отвратительные явления, порождённые сталинской эпохой.

Отец – безусловно огромное и яркое явление советской эпохи. Не случайно он обладал всеми основными званиями и наградами нашей страны: лауреат Ленинской премии, лауреат нескольких Сталинских премий, кавалер ордена Ленина. Он был академиком, профессором, народным артистом СССР. За рубежом его деятельность также была оценена по достоинству: он был избран почётным членом многих музыкальных международных организаций.

Очень жаль, что отец не оставил своих мемуаров (он их начал писать). Это был бы – я уверен – интереснейший материал о музыкантах и музыкальном искусстве XX века.

ВСТРЕЧА С ЧЕМПИОНОМ ПАРИЖА

В конце 40-х годов отец взял меня на лето отдохнуть в Келломяки (ныне - Комарово). Этот Дом творчества и отдыха петербургских композиторов расположен на берегу Финского залива. И, так же как Дом творчества и отдыха московских композиторов в Рузе и Всесоюзный Дом творчества и отдыха под городом Иваново, пользовался большой популярностью у музыкантов.

В один из прекрасных солнечных дней в композиторский дом пришла делегация из расположенного недалеко писательского дома с предложением сыграть товарищеский матч по шахматам на 6 досках. Предложение с благодарностью было принято и через несколько дней наша команда отправилась в гости, правда, не в очень хорошем

настроении. А причина была вот в чём: хозяева поля, предлагая сыграть матч на 6 досках в 2 круга (одна партия белыми, другая – чёрными), предупредили, что на первой доске у них играет журналист (его фамилия была Смирнов, а имя и отчество я забыл), который в своё время, будучи в командировке в Париже, сыграл в чемпионате города по шахматам и занял 1-ое место. Поэтому наша команда может выставить на первой доске самого слабого игрока, так как всё равно результат на первой доске предрешён. Посоветовавшись, наша команда решила поставить меня на первую доску. Естественно, кому из взрослых хочется идти на заведомых два поражения, а молодой – он может быть проявит свою амбициозность. Я не помню, кто играл на 2-5-й досках, но на 6-ой доске играл отец. И вот – сенсация: юноша выигрывает первую партию у чемпиона Парижа. Правда, вторую партию я проиграл. Отец, как всегда, ответственно подошёл к порученному делу и выиграл обе партии. Матч мы выиграли, а я напоследок выиграл затем у чемпиона Парижа третью партию, которую мы сыграли после матча.

К сожалению, матча-реванша не состоялось.

ЛЕТНИЙ ОТДЫХ

Отец ушёл от нас с мамой, когда мне не было и 5 лет. Но он по-прежнему очень любил меня и всегда старался брать меня с собой в различные свои поездки. Так до Великой Отечественной войны отец взял меня в Киев, когда писал музыку к кинофильму «Аэроград» на студии Довженко (1936 год), во время войны – в поездку с концертной бригадой к танкистам (см. «Поездка к танкистам»), после войны – в основном, на летний отдых, поскольку зимой я не мог уехать из-за учёбы.

В этих поездках я познакомился с большим количеством музыкантов, и, в первую очередь, с такими известными композиторами как Р.М. Глиэр, Н.Я. Мясковский, С.С. Прокофьев, Д.Д. Шостакович и А.И. Хачатурян.

Николай Яковлевич Мясковский был педагогом отца в Московской консерватории по классу композиции (а А.Б. Гольденвейзер – по классу фортепиано) и они как-то сразу подружились. Но перейти грань «учитель – ученик» отец до конца не смог: всю жизнь он обращался к Мясковскому «Николай Яковлевич», но на «ты».

В этих незабываемых поездках мы несколько раз были во Всесоюзном Доме творчества и отдыха композиторов под городом Иваново, в Московском аналогичном Доме в Рузе, в Петербургском Комарово (в ту пору – Келломяки). Ездили мы также в Кисловодск, Сочи, катались на пароходе по Чёрному морю.

Этот отдых был наполнен шахматами, волейболом и, конечно же, интересными беседами. Отец очень много знал, интересно рассказывал и легко с любым собеседником находил привлекательные для того темы для разговора.

Эти летние поездки закончились после 1950 года, когда во второй семье отца его жена – Лариса Павловна – родила дочку Машу. Вскоре у отца появилась подмосковная дача и наш с ним летний романтический отдых завершился.

СЛЁЗЫ (ПЕТУХИ)

Отец был большим оптимистом. Он заражал своей энергией собеседников, был чрезвычайно инициативен, обладал хорошим чувством юмора. А его эрудиция и способность быть интересным рассказчиком практически всегда делали его притягательным центром в любой компании. Я почти никогда не видел его грустным, подавленным. И лишь однажды я видел слёзы в его глазах.

Было это в Красной Пахре – подмосковной даче, где отец отдыхал летом с женой Ларисой Павловной и дочкой Машей. В один из моих приездов я увидел на журнальном столике журнал «Юность» и стал его перелистывать. Никогда я особо не увлекался стихами и, увидев на очередной странице небольшое стихотворение, я уже хотел перевернуть страницу, но меня поразило название стихотворения. И я подумал: «Что можно сочинить в стихотворении с таким названием?» Прочтя стихи, я вдруг почувствовал какое-то невероятное волнение. Я взял журнал и побежал на второй этаж, где работал отец. «Папа, прочти, пожалуйста». Он взял журнал, мгновенно прочёл и посмотрел на меня. Я никогда не забуду впечатления от этого взгляда. В нём была грусть, удивление, растерянность, жалость и восхищение. А на глаза накатывали слёзы. «Я напишу музыку», – как-то отрешённо и медленно сказал отец...

Вскоре я уехал и мы с отцом долго не виделись. То ли ему было некогда, то ли он забыл, но музыка к этому стихотворению так и не была написана. Я больше не видел этого журнала, не запомнил фамилию автора, но это стихотворение, прочитанное всего лишь один или два раза и так подействовавшее на отца, врезалось в память. Вот оно:

ПЕТУХИ

В мягком кресле, у окна в углу,
 Долго ниткой целилась в иглу.
 А потом на детской рубашонке
 Стала вышивать, не торопясь,
 Глупого смешного петушонка –
 Русскую затейливую вязь.

Вдруг зашевелился гребешок –
 Ожил тонконогий петушок.
 Ожило, что на сердце укрыто:
 Зазвенели конские копыта,
 Дым пополз и в нём погас кумач,
 Кто-то говорил потом «Не плачь!»

Парень стяг собой закрыть решил,
 Парню сердце есаул прошил.
 Есаул, с кокардой на папахе,
 Матерясь, кляня большевиков,
 Окровавил парню на рубахе
 Вышитых тобою петухов.

Тишина. Текут минуты-капли.
 Видит внук: застыла нить в руках:
 «Бабушка, ты вышила бы цаплю,
 Все мои рубахи в петухах».

ГОЛОЛЁД

Бывают дни, когда природа нокаутирует человечество, нанося ему страшный ущерб в виде уймы сломанных рук и ног, многочисленных автомобильных аварий и других не менее трагичных ударов. Это гололёд. Люди не могут нормально ходить на улице, они семенят, еле-еле передвигая ногами и балансируя руками, как канатоходцы в цирке, или держась друг за друга.

В один из таких дней отец шёл на работу в своё музыкальное училище. Выйдя из метро «Арбатская» и благополучно преодолев Арбатскую площадь, он оказался в начале Мерзляковского переулка. Ему оставалось пройти до работы почти весь переулок и он уже радовался успешному завершению нелёгкого пути. Дорога была почти прямая и ничего не предвещало каких-то неожиданностей.

Отец спокойно по-утиному семенил по дороге, народу было мало. Вдруг он обратил внимание на двух старушек, которые, судорожно держась друг за друга, с невероятными трудностями передвигались далеко перед ним в ту же сторону. Отец подумал: «Несчастные, что же заставляет их быть на улице в такой гололёд?»

И вдруг одна из старушек, сделав неловкое движение, потеряла равновесие и упала. Вторая старушка, естественно, тоже оказалась на земле. Они беспомощно забарахтались, пытались подняться, но это было очень трудно сделать.

Отец был хорошо воспитан, а с женщинами всегда был чрезвычайно галантен. Он не мог без сострадания смотреть на случившееся и, забыв закон физики об инерции, кинулся вперёд, чтобы помочь несчастным старушкам. Но, когда разогнавшись как следует (и почему-то удержавшись на ногах), он подлетел к старушкам, они кое-как поднялись и, схватившись друг за друга, уже собирались продолжить свой нелёгкий путь. И в этот момент отец, который уже не мог остановиться, сшиб старушек и они снова безнадежно забарахтались, но уже с криками «Хулиган!» Откуда им было догадаться, что намерения у отца были самые благородные.

МОИ РОДИТЕЛИ

После окончания Московской государственной консерватории мой будущий отец некоторое время работал в музыкальном училище при консерватории и там познакомился с моей будущей мамой – Эдвардой Иосифовной Блюман (1911-1981). Она немного училась играть на арфе, хотя музыкантом не стала. Всю жизнь она преподавала английский язык в Министерстве внешней торговли, закончив институт иностранных языков. Кроме того, она была переводчиком художественной литературы с английского языка. Самый её известный перевод – «Вино из одуванчиков» Р. Бредбери, а всего у неё было более 30 переводов книг и рассказов.

Когда я родился, вопроса какое мне дать имя не возникало. Дело в том, что в эти годы отец был очень дружен (и эта дружба длилась затем всю жизнь) с Юрием Евгеньевичем Шенгером, впоследствии видным экономистом. И случилось так, что они почти одновременно женились и когда готовились стать отцами – решили: если у Юрия Евгеньевича родится сын, то его назовут Дмитрием, а у отца – Юрием. Но задумка оправдалась лишь наполовину: у Юрия Евгеньевича родилась дочь и её назвали Катей.

К сожалению, брак моих родителей был недолговечен. Мне не было и 5 лет, как родители расстались. Через некоторое время оба образовали новые семьи и, что удивительно, с партнёрами, которых знали раньше. Мама вышла замуж за Николая Андреевича Дементьева. Мой отчим очень хорошо ко мне относился и мы дружно прожили с ним до самой его кончины в 1993 году... Отец женился на Ларисе Павловне Чегодаевой, которая родила ему дочку Машу.

Живя до женитьбы с мамой, а потом будучи семейным человеком, я всегда поддерживал с отцом и его второй семьёй постоянные тёплые отношения. Я бывал у них

дома и на даче, а когда я учился, отец брал меня летом на отдых или в какие-нибудь поездки.

Моя бабушка – мамина мама – Рахиль Львовна Блюман (1887-1978) тоже была музыкально образованным человеком. Она окончила Петербургскую консерваторию и много лет (до выхода на пенсию) была директором музыкального училища при Московской консерватории.

Несмотря на такое музыкальное окружение, я не стал музыкантом, хотя немного занимался музыкой до войны, а в 1942 году даже выступал в детском концерте перед работниками совхоза Баженово (недалеко от Свердловска – ныне Екатеринбург), куда мы были эвакуированы. Это, я даже помню, была небольшая – строчки на 2 или на 3 – пьеса П.И. Чайковского.

Музыкальные гены отца оказались настолько сильными, что почти все его потомки, так или иначе, проявили себя в музыке (хоть и не профессионально). А двое – даже получили музыкальное образование: моя дочь – Надя – закончила музыкально-педагогический факультет Московского Педагогического института, а внучка – Саша – с отличием кончила музыкальную школу им. И.О. Дунаевского. Профессионалом же стал лишь племянник отца – Вася Щербаков.

Кстати, почти такая же история произошла и с маминной подругой. Ещё в юности, будучи студенткой, мама познакомилась и затем подружилась с Элеонорой Гальпериной, впоследствии очень известной переводчицей художественной литературы с французского и английского языков, работавшей под литературным псевдонимом Норы Галь («Граф Монте-Кристо»). И вот, когда у Нормы (так мы её всегда называли) родилась дочь, то в честь моей мамы она назвала её Эдда. За всю свою жизнь я нигде не встречал больше ни Эдвард, ни Эдд.

ПРОГУЛКА БЕЗ ШТАНОВ

Есть в Москве небольшой переулок – Проточный, недалеко от станции метро Смоленская. В доме № 4 на 1-м этаже жила в коммунальной квартире семья Кабалевских: Борис Клавдиевич с женой Надеждой Александровной и их дети – Елена и Дмитрий. В этой же квартире затем жили и внуки: у Елены родились Марина и Александр, у Дмитрия – я, Юрий.

В конце 20-х годов мой будущий отец, ещё неженатый, работал в музыкальном училище при Московской государственной консерватории (оно в то время называлось «Училище им. А.Н. Скрябина» и находилось там же, где и сейчас – в Мерзляковском переулке, рядом с Никитскими воротами).

Однажды утром собираясь на работу, отец поставил утюг на огонь (чтобы прогладить складки на брюках), приготовил себе нехитрый завтрак и стал понемногу готовиться к выходу. Погладив брюки, он аккуратно повесил их на спинку стула, чтобы они отвиселись, затем – собрал портфель, надел рубашку с галстуком, пиджак, пальто и... Вышел на улицу.

К метро он шёл очень быстро (у него вообще была быстрая походка) и не замечал улыбок у идущих навстречу ему людей. Но когда он подошёл к метро, какая-то пара, остановившись около него, откровенно захохотала. Тогда отец посмотрел на себя вниз, куда был направлен взгляд смеющихся, и увидел жуткую картину: из-под пальто выглядывали голые ноги, пониже – носки с резинками и обувь.

Рассказывая эту историю, отец не столько смеялся, сколько волновался от того, что вспомнить без безумного, непередаваемого волнения и ужаса, как он мчался назад, домой – невозможно. Летя с крейсерской скоростью, он слушал непрерывный хохот, и ему казалось, что нет на свете человека несчастней, чем он.

ТРАГИКОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ (ВОЛЕЙБОЛ)

Недалеко от города Иваново находился в 40-50-е годы Дом творчества и отдыха советских композиторов. Туда приезжало довольно большое количество композиторов из различных городов Советского Союза, а летом Дом наполнялся ещё и гулом детских голосов – дети и внуки композиторов с удовольствием проводили свои каникулы в прекрасных природных условиях. А там, где дети – там игры, веселье, разные придумки. Особой популярностью, как у детей, так и у взрослых, пользовались волейбол, шахматы и что-то наподобие «капустников». А перед сном, когда темнело, на полянке около леса, ребята очень любили собираться у костра и слушать интересные рассказы, притчи, сказки, которые очень колоритно с грузинским акцентом рассказывал Ваню Ильич Мурадели.

Отец любил активный отдых и в свободное от работы время с большим удовольствием ходил на лыжах, за грибами, играл в теннис, в волейбол, шахматы.

Помню, несколько лет подряд он брал меня в этот Дом после моего возвращения из эвакуации летом 1943 года. И мы практически каждый день играли в волейбол, ежегодно устраивали чемпионаты Дома по шахматам.

И вот на волейбольной площадке произошла трагикомическая история, о которой я хочу рассказать.

Любовь отца к детям, которая проявлялась буквально во всём (огромное количество самых разнообразных произведений для детей, приход в общеобразовательную школу с проверкой созданной им программы по музыке, цикл

лекций по телевидению «Как рассказывать детям о музыке» и многое, многое другое) проявилась и на волейбольной площадке. Он собрал детскую команду – играли с ним внучки Рейнгольда Морицевича Глиэра (Сента и Лолита), племянница Арама Ильича Хачатуряна (Рита), Ляля Федосеева – дочка управляющего Домом, я и некоторые другие ребята. Среди взрослых на площадке были А.И. Хачатурян, В.И. Мурадели и даже немножко поиграл с мячом сам Р.М. Глиэр, которому в то время было уже 70 лет.

Детская команда была очень дружной и дисциплинированной и, неслучайно, поэтому частенько выигрывала у команды взрослых, которые, бывало, ссорились, нервничали, обвиняя друг друга в проигранных мячах. Желающих поиграть в волейбол было много и отец взял в свою детскую команду А.И. Хачатуряна, с которым он был в очень хороших приятельских отношениях. И вот, на одном из розыгрышей мяча отец хотел сильно послать мяч на сторону противника, развернулся и наотмашь ударил, но попал не по мячу, а по лицу Арама Ильича. Невероятная боль, невероятные вопли. Щека вздулась и некоторое время Арам Ильич не мог нормально разговаривать, что, по-видимому, спасло отца от нелюбезных комментариев пострадавшего. Слава богу, через несколько дней всё пришло в норму и никаких последствий медицинского характера не было, но на всякий случай Арам Ильич перешёл играть на другую сторону, против детской команды. Лучше бы он не переходил... Отец на подаче, Арам Ильич принимает мяч, и душераздирающий крик сотрясает не только волейбольную площадку, но и ближайшие окрестности. Все присутствующие сбегаются и видят: мизинец Арама Ильича стоит под углом к остальным пальцам – неудачный приём мяча выбил палец! Боль нестерпимая, что делать? «А, геноцвали, давай руку, всё будет в порядке!» И не успел бедный Арам Ильич сообразить, в чём дело, как Ваню Ильич Мурадели, сила которого была как у хорошего тяжелоатлета, подошёл, взял палец пострадавшего, «крякнул» и улыбнулся – палец встал на место. Но тут Арам Ильич, как разъярённый бык стал бегать по площадке с горящими глазами. Как выяснилось позже, у врача, Ваню Ильич вправил палец Араму Ильичу, но при этом палец дал трещину. И с тех пор мизинец смотрел немного на сторону, хотя это, к счастью, не мешало Хачатуряну музицировать до конца жизни.

Отношения отца с Хачатуряном, конечно же, не испортились и они вспоминали это происшествие с грустной улыбкой.

ЕЩЁ О ВОЛЕЙБОЛЕ

И ещё одно забавное воспоминание, связанное с волейболом и Домом. Как-то в очередной раз происходила волейбольная баталия и как всегда было много болельщиков,

но почему-то на этот раз желающих «поболеть» было больше, чем желающих поиграть. И вот. В разгар борьбы к площадке подошёл молодой человек (нам не знакомый), но, тем не менее, мы его пригласили на площадку. «Нет, я вам только испорчу игру», – ответил он с улыбкой и остался в кругу болельщиков. Когда очередная игра закончилась, мы опять обратились к нему с той же просьбой. «Ну, хорошо. Давайте так: я буду один играть против вас шестерых, но буду иметь, как и вы, право двух пассивов», – ответил он. Мы удивились, но согласились. И началась игра. Проходила она по одному, в основном, сценарию: наш противник принимал нашу подачу, исправляя первым пассивом своё положение, если наша подача была очень сильной или коварной, вторым пассивом он навешивал мяч над сеткой и, наконец, гасил мяч нам с такой силой и точностью, что мы иногда разбегались, чтобы не получить травму. Так мы сыграли несколько партий, пока не убедились, что лучше, чем счёт 3:15 нам не достичь, но чаще счёт был 0:15 или 1:15. (В то время игра проходила не до 25, как сейчас, а до 15). Когда мы в восторге (несмотря на разгром) спросили: «В чём дело?», – молодой человек, немного смущаясь, сказал, что он член сборной команды Советского Союза по волейболу, а сюда он приехал к своему отцу – музыковеду Евсееву (1894-1956, композитор и музыкальный теоретик). Вот так мы увидели и получили огромное удовольствие от профессионального (хотя и одностороннего) волейбола на нашей «композиторской» площадке.

ПОСЛЕДНЯЯ ШАХМАТНАЯ ПАРТИЯ

Последнюю шахматную партию отец сыграл с Яковом Владимировичем Флиером, сильным шахматистом и замечательным пианистом.

С Я.В. Флиером у меня связаны, в первую очередь, два воспоминания. Первое относится к 1954 году, когда в Доме Композиторов отмечали 50-летие отца. Тогда, в частности, впервые прозвучали 24 прелюдии, только что написанные отцом (и впоследствии выдвинутые на соискание Сталинской премии, но не получившие её). Эти прелюдии великолепно исполнял Я.В. Флиер. И надо же такому случиться, чтобы незадолго до окончания показа на сцене отключилось электричество (какая-то авария, уже не помню). И вот в напряжённой тишине Яков Владимирович продолжает свою вдохновенную игру и... заключительную ноту смазывает, но гром аплодисментов покрывает эту нелепую ошибку чудесного человека и музыканта.

Второе воспоминание связано у меня с теми, к сожалению, чрезвычайно редкими вечерами, когда отец с Я.В. Флиером (а иногда – со своим старинным другом М.Р. Раухвергером) играли четырёхручные вальсы Шуберта. Такие «подарки» судьбы были всего 4-5 раз, но это были незабываемые встречи.

Так вот, как-то раз зашёл к отцу Я.В. Флиер и, увидев меня, предложил сыграть в шахматы, но с условием: он играет один против нас двоих, а мы с отцом делаем ходы по очереди и, притом, не советуясь. Игра началась. Я не помню, как протекала партия, но уже в примерно равном пешечном эндшпиле, один из нас грубо ошибся и Яков Владимирович одержал победу.

Так закончились взаимоотношения отца с шахматами, которым он отдавал часть своего небольшого досуга и то, в основном, в летние месяцы отдыха (см. «Шахматные баталии», «Встреча с чемпионом Парижа»).

НЕМНОГО МРАЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Шок – это угнетение нервных центров, а, как известно: от нервов – все болячки, все неприятности. Поэтому шок – это, по-видимому, самое страшное отрицательное воздействие на организм. При этом шок всегда связан с неожиданностью, когда организм не ждёт, не готов, не приспособлен к шокирующей новости...

Смерть – это самая большая человеческая трагедия и когда она происходит внезапно, то шокирующее воздействие её на окружающих достигает невероятной силы – вплоть до летального исхода (мне известен такой случай, когда студент Ленинградской консерватории не выдержал внезапной смерти своего профессора). Очень сильное эмоциональное потрясение, как правило, надолго выбивает человека из его нормального состояния.

С другой стороны, внезапная смерть – это благо (прошу прощения за цинизм) для умершего, который избежал физических и моральных мук, причинявших и ему и окружающим огромные страдания.

Картина меняется на 180°, когда человек умирает после тяжёлой, продолжительной болезни. Здесь умирающий тяжело страдает, а окружающие подготовлены к неизбежному исходу. Я хорошо помню, как облегчённо радовалась преподавательница кафедры высшей математики МИСИ, где я работал, когда умер её отец, много лет прикованный тяжёлой болезнью к кровати и мучавшийся и от физических болей и от сознания того, что его дочь не имеет нормальной жизни.

Короче говоря, полярные ситуации; внезапная смерть и смерть после продолжительной и тяжёлой болезни – это наиболее страшные уходы из жизни. Лучший исход – где-то посередине. (Лучшее формальное решение проблемы – где-то посередине).

Мои родители ушли из жизни легко, не мучаясь, не страдая. Мама сидела на диване, разговаривала, смеялась и вдруг упала – «сердце». Отец ехал на машине домой,

разговаривая с шофёром и вдруг – слово застряло в горле – «сердце». Маме было почти 70 лет, отцу – 83.

Оба шока мне было чрезвычайно трудно вынести, я думаю, что последствия до сих пор дают себя знать.

«ПОДАРОК» КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Отец был человеком спортивного склада. Причём это можно было сказать не только потому, что у него были довольно сильные руки и «прыгучие» ноги, но он любил играть (хотя и не был честолюбив) в разные игры. Ему был интересен процесс игры.

Льжи, шахматы, теннис – помогали отцу отдыхать. В теннис, например, партнёром отца была известная киноактриса Л.А. Смирнова, а в шахматах – дважды чемпион Советского Союза международный гроссмейстер А.А. Котов.

С А.А. Котовым мы познакомились при следующих обстоятельствах.

В начале 50-х годов отец, отдыхая на юге летом в Кисловодске, несколько раз брал меня с собой. И вот как-то в газете мы увидели объявление: в ..... состоитея сеанс одновременной игры в шахматы А.А. Котова. Так как оба мы любили шахматы, то конечно, отправились на встречу. Желавших сыграть с прославленным гроссмейстером было много и отец не сел за доску, предпочитая роль болельщика. В тяжёлой, утомительной борьбе мне удалось победить. После игры мы подошли к гроссмейстеру познакомиться. Александр Александрович оказался очень доступным, приятным и располагающим к себе человеком. Он поздравил меня с победой, а через несколько минут уже мы с отцом поздравили его с днём рождения, о чём он нам неожиданно сообщил.

Через 4 года уже отец сыграл с Котовым в сеансе одновременной игры. Это произошло на открытии Центрального Шахматного клуба СССР (на Гоголевском бульваре). Партия завершилась вничью. Причём результат можно было предсказать, так как к тому времени и отец и Котов отдыхали летом под Москвой в Красной Пахре и были хорошо знакомы.

ШАХМАТНЫЕ БАТАЛИИ

В первые послевоенные годы отец несколько раз брал меня на каникулы в Дом творчества и отдыха композиторов под городом Иваново. Так кроме музыкантов было, как обычно летом, много детей. И наиболее популярным отдыхом были: игра в волейбол и шахматы.

В 1945-м, 1946-м и 1947-м годах, 3 года подряд летом проводились шахматные чемпионаты Дома творчества и отдыха композиторов или, как его в шутку называли –

«нотоптице-совхоз», так как композиторское пристанище находилось недалеко от совхоза с птицефермой. Кстати, в этом совхозе, почти на его окраине, стоял маленький домик с пианино, куда ходил работать С.С. Прокофьев. Если эта деревушка до сих пор существует, то возможно, что на этом доме есть мемориальная доска с фамилией великого композитора.

Отец принял участие во всех трёх чемпионатах, мужественно сражался и во всех турнирах занял место в середине турнирной таблицы.

В турнире 1945-го года в двухкруговом турнире при участии 6 человек победу одержал Алексей Муравлёв – с результатом 8,5 очка из 10. Второе место – у композитора из Ленинграда А. Животова. Я занял 3-е место (6 очков), обогнав отца на очко – у него 4-е место.

Ценность представляет то обстоятельство, что главным судьёй этого турнира был С.С. Прокофьев, автограф которого запечатлён на таблице чемпионата. Сам Сергей Сергеевич не мог принять участие в чемпионате (уже несколько лет тому назад врачи категорически запретили ему играть в шахматы, ввиду сильнейшего переутомления), но, тем не менее, буду очень сильным шахматистом, Сергей Сергеевич не мог пройти мимо шахматного чемпионата.

В чемпионате 1946 года приняло участие 8 участников, которые разыграли первенство по олимпийской системе (проигравший выбывает). Здесь играли: композиторы – Белый В.А., Веприк А.М., Жарковский Е.Э., Юдаков С.А., Чаплыгин Н.П., музыковед – Шлифштейн С.И. и мы с отцом. Судил этот чемпионат Ваню Ильич Мурадели.

В третьем чемпионате (1947 г.) кроме нас с отцом приняли участие композиторы: Фере В.Г., Белый В.А. и Раухвергер М.Р. А судьёй на этот раз был знаменитый виолончелист Даниил Шафран. Мне второй раз подряд удалось взять первое место. Причём в обоих последних чемпионатах я выдержал тяжёлую борьбу с одним из сильнейших композиторов-шахматистов Виктором Аркадьевичем Белым.

Помимо упомянутых музыкантов, принимавших участие в чемпионатах Дома творчества и отдыха композиторов, надо отметить и тех, кто время от времени отдавал свой досуг шахматной доске. И в первую очередь здесь надо отметить Д.Д. Шостаковича. Он любил шахматы, но не будучи достаточно сильным шахматистом, он, вероятно, стеснялся играть в соревнованиях, не имея шансов занять высокое место. И я очень горжусь тем, что я не просто был знаком с величайшим композитором XX века, но сыграл с ним два шахматных матча (их 10 и из 5 партий).

Практически каждый человек хоть раз на протяжении своей жизни попадает в неловкие положения. Конечно, человек старается продумывать линию своего поведения, предугадать возможные варианты последствий того или иного своего поступка, но, к сожалению, порой стечение обстоятельств преподносит нам удивительные, непредсказуемые сюрпризы.

Тем более досадно, когда в такие неловкие положения попадает такой человек, как мой отец – умный, вдумчивый, с прекрасно развитой интуицией.

Вот несколько примеров совершенно анекдотичных случаев, когда отец попал прямо-таки в удивительные ситуации.

Однажды отец сидел и смотрел клавир известной классической оперы, который лежал у него на коленях. Проходя мимо, один знакомый музыкант, думая, почему-то, что это клавир оперы отца, сказал примерно следующее: «Какая хорошая музыка». «Изумительная», – ответил отец восторженно к немалому удивлению собеседника. И ещё последовала пара фраз, в высшей степени хвалебных со стороны отца и удивлённо «поддакивающих» с другой стороны, прежде, чем разговаривающие поняли, к счастью, что к чему.

Другой случай. На приёме в посольстве Венгрии вечер подходил к концу и отец ждал удобного момента, чтобы подойти попрощаться и уйти. После официальной части и банкета были в разгаре танцы и вот, после очередного танца, чтобы попрощаться и поблагодарить за приём, отец подошёл к хозяйке бала и в этот момент грянул... чардаш. Жена посла со счастливой улыбкой подняла руки и двинулась к отцу (в знак согласия на приглашение к танцу – она поняла это так). ...Когда отец рассказывал мне этот случай, его голос немного дрожал – он всё ещё переживал ужас тех секунд. Но отменные дипломатические способности спасли отца и на этот раз.

На другом приёме произошло нечто более худшее. Галантный отец, после очередного тоста, решил подойти к жене посла, чтобы чокнуться рюмками. Но когда он подошёл, то радостная женщина схватила его за шею, чтобы поцеловать. Отец был очень высокого роста и ему пришлось сильно наклониться и тогда его правая рука с рюмкой, оказавшаяся за спиной жены посла, тоже невольно наклонилась... Платье было очень красивым, вырез тоже был не маленьким...

Были и другие и смешные, и трагикомичные случаи, но всегда отец, благодаря своей врождённой культурности, чувству юмора и находчивости с честью выходил из этих положений.

Панариций – это гнойное воспалительное заболевание пальца. Лечение от этого недуга не представляет больших трудностей и лишь небольшой шрам в месте лечения напоминает о преодолённой неприятности. Для подавляющего числа людей с панарицием лечение проходит без последствий. И лишь некоторая потеря чувствительности на месте шрама может быть неприятна. Это в первую очередь относится к пианистам, для которых «сверхчувствительность» – залог успеха.

Отец закончил консерваторию не только как композитор (по классу Н.Я. Мясковского), но и как пианист (по классу А.Б. Гольденвейзера). И вот, когда у отца возник панариций, врач, лечивший отца, не без гордости сообщил ему в конце лечения: «Обычно шрам мы делаем на середине пальцевой подушечки, но я логично рассудил, что Вы пианист и для того, чтобы соприкосновение с клавишами рояля было безболезненным, я шрам сделал сбоку». Отец еле сдержался, чтобы не ответить чем-то язвительным: ведь панариций у него был на БОЛЬШОМ пальце, то есть на том пальце, которым играют как раз БОКОМ. Причём, по закону падающего бутерброда, шрам был как раз на том боку, которым палец соприкасается с клавишей. Слава богу, что пианистическая карьера отца практически быстро закончилась, а то бы новаторство врача в результате его «логических рассуждений» испортило бы непоправимо отцу жизнь.

Действительно, в жизни бывают случаи, которые так просто не выдумаешь.

ВТОРАЯ СЕМЬЯ ОТЦА

С Ларисой Павловной отец прожил 50 лет – с 1936, с мамой – лишь 5 (с 1930). В 1950 г. Лариса Павловна родила Машу – мою сестру, с которой мы до сих пор находимся во вполне «братских» отношениях. Когда Маша родилась, и иногда мы гуляли втроём: отец, я и Маша в коляске, одна женщина, сидя у скверика на скамейке, шепнула своей соседке: «Смотрите, какой молодой отец и какой молодой дедушка».

Лариса Павловна была очень умной женщиной. Учась в архитектурном институте, она, тем не менее, не работала по специальности (по состоянию здоровья), но, будучи дома, она создала отцу такой домашний очаг, такой уют, который обеспечивал ему отдых и комфорт после его насыщенной трудовой деятельности. А ведь ещё с самого начала своей музыкальной деятельности отец выступал не только как композитор, но и как пианист, педагог, а позднее – как видный общественный и политический деятель.

Очень правильную «внутреннюю» политику она проводила в отношении меня. Она видела, как отец любит меня и как он ко мне тянется. Поэтому (до появления своего ребёнка) она всячески поощряла (или, возможно, не препятствовала) нашим с отцом летним поездкам. Причём до войны она тоже иногда отдыхала с нами.

Кстати, по ходу жизни выяснилось (до чего мир тесен!), что: в школе Лариса Павловна училась с Рубцовой Ольгой Николаевной, чемпионкой мира по шахматам 19.. гг., с которой мы были знакомы, а в Архитектурном институте математику у неё вёл Ной Ильич Вайсфельд, с которым мы вместе работали на кафедре высшей математики МИСИ в 50-х годах.

Гости в доме были редким явлением – Лариса Павловна не любила шумное общество или просто оберегала покой отца. Наиболее близко и часто она принимала Ценина С.С. и Янко Т.Ф. – его жену, с которой сблизилась после оперы «Семья Тараса».

ВОСПИТАННОСТЬ – НЕ ВСЕГДА ХОРОШО

Абсолютных истин в повседневной жизни не так уж много. То, что хорошо в одних случаях, совершенно неприемлемо в других. С этой философской мыслью отцу пришлось однажды столкнуться и это могло стоить ему жизни.

Этот случай произошёл, когда отцу уже было за 70. Он вёл машину, как всегда, уверенно и легко. Он любил быть за рулём и у него был огромный стаж вождения. «Я отдыхаю за рулём», – говорил он, хотя известно, что ездить по Москве очень трудно. Езда в нашем мегаполисе требует огромного напряжения и внимания и многие, я знаю, приезжают во взмокших рубашках. А один преподаватель, с которым я работал в Московском математическом техникуме, в конце концов, не выдержал и продал свою машину.

На переднем сидении, справа от отца, сидела знакомая – жена известного пианиста. Как обычно, в присутствии отца скучно не бывает и поездка проходила в оживлённой беседе. И вдруг у женщины падает с колен сумочка и отец (ох, эта воспитанность), забыв, что он в этот момент АВТОМОБИЛИСТ, а не МУЖЧИНА, инстинктивно снимает с руля правую руку и нагибается, чтобы поднять сумочку. Что было дальше – тяжело описывать. К сожалению, женщина получила серьёзную травму ноги, повреждена была и машина. Отец отделался лишь маленькими неприятностями.

Несколько схожая ситуация была и у моего отчима, Николая Андреевича. В примерно том же возрасте, что и отец в описанном выше случае. Он шёл на день рождения к своей тёще (опять женщина!), нёс авоську с подарком и, в частности, там была бутылка вина. Было скользко и, отчим, сделав неловкое движение, стал падать. Инстинктивно, чтобы не разбить бутылку, он поднял авоську повыше, вместо того, чтобы амортизировать удар, и грохнулся на обледеневшую землю. Упал он крайне неудачно (в этом возрасте кости уже довольно хрупкие) и сломал шейку бедра – самый страшный физический недуг в пожилом возрасте. Обычно люди со сломанной шейкой бедра

навсегда прикованы к постели, но отчим обладал очень сильными, натренированными мышцами, так как в молодости профессионально играл в футбол, один раз я даже был с мамой на трибунах стадиона «Динамо», когда играл отчим. Он выкарабкался, но до конца жизни всё-таки немножко хромал при ходьбе.

АРТЕК

Впервые отец попал в Артек, считавшийся лучшей пионерской здравницей, в 19.. году и с тех пор так полюбил это местечко, что приезжал туда при первой же возможности. Посещение Артека порождало в отце огромный эмоциональный подъём, что каждый раз приводило к написанию удивительно лиричных, мелодичных песен. Отец написал 6 таких артековских песен и большинство из них до сих пор живо и с удовольствием поются на детских концертах. Вот эти песни: .....

Последнее посещение Артека относится к 1955 году. Моей сестре Маше исполнилось 5 лет и отец решил «вывести её в свет» – совершить морское путешествие по Чёрному морю. И вот, отец, его жена Лариса Павловна, Маша и я, а также пара знакомых, приезжаем в Ялту, чтобы сесть на пароход «Победа». Но до отплытия ещё часа три и отцу приходит в голову идея: «Юраха, давай махнём в Артек, тем более, что ты там никогда не был». И, взяв такси, мы оказались в Артеке. Отец никогда не любил официальщины, помпезности. И сейчас, отец не отправился к артековскому начальству (хотя ему, как почётному артековцу, конечно устроили бы какой-нибудь приём с помпой), а просто подсел к какому-то отряду, который у небольшого костра проводил своё маленькое мероприятие. Мы с отцом немножко посидели, о чём-то поговорили и вскоре уехали. Я думаю, что водителю этого отряда потом изрядно попало за то, что он не предупредил начальство лагеря о приезде такого гостя.

КУРЬЁЗНЫЕ МЕЛОЧИ

Даю без комментариев несколько забавных курьёзов, связанных с отцом.

1. Афиша в Кисловодске: «...из оперы Д.Б. Кабалевского «Семья Тараса», ...из балета Кара Караева «Семья красавиц» (у азербайджанского композитора Караева балет называется «Семь красавиц»).

2. В Москве идёт заседание Коллегии ..... под руководством ... Пузина. Выступает отец: «Надо принимать решение на основе..., а не как захочет какой-нибудь Пупочкин».

3. Концовка одной из телеграмм в день рождения отца: «...Желаю счастья в личной и семейной жизни» (или «личного и семейного счастья» – я не помню).

4. На свадьбе у Т.Н. Хренникова. В ответ на рассказ Тихона Николаевича о том, как трудно было уводить Клару Арнольдовну у её мужа, отец подбодрил: «Ничего, в другой раз будет легче!»

5. Перед подписанием номера в печать, отец – главный редактор – заметил, что статья Д.Д. Шостаковича кончается так: «Советский народ с энтузиазмом восстанавливает раны, нанесённые войной».

ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН БЫТЬ ИНТЕРЕСЕН

Как-то, когда я стал отцом, папа, говоря о проблеме «отцы и дети», сказал: «Ты должен строить свои отношения с ребёнком так, чтобы ты был ему интересен».

Быть интересным человеку – вот один из важных принципов, которых придерживался отец в общении с людьми. Заинтересовать, возбудить мысль, желание узнать, поразмышлять, поговорить о том, что заинтересовало то, что было присуще отцу при общении с людьми. Как было интересно всегда разговаривать с отцом практически на любую тему, особенно молодым. Они, как губка, буквально с открытым ртом, впитывали в себя слова, мысли, произнесённые отцом. И это всегда было интересно, во-первых, потому что отец много знал и мог сказать собеседнику что-то нужное и полезное для него, во-вторых, отец был превосходным рассказчиком, он говорил простым, ясным, доходчивым языком (даже в серьёзных докладах он не приемлел наукообразия и старался быть предельно доступен читателям или слушателям) и поэтому слушать его было легко и приятно, что, естественно, располагало к нему собеседника. В-третьих, отец не боялся, а, наоборот, старался высказывать, причём всегда очень аргументированно, свою точку зрения, а это, для умного собеседника, всегда интересно и полезно, так как будит мысль, приводит к размышлениям. Наконец, чрезвычайно прозрачная (как сейчас любят говорить) логика, тщательно и аргументированно выстроенная, помогала собеседнику лучше понять суть рассматриваемого вопроса.

Помню как в «Ровесниках» – музыкальном цикле концертов для молодёжи, отец во вступительном слове к каждому такому концерту очень интересно объяснял, например, почему композитор создал произведение, предстоящее прослушать, что он хотел передать в этой музыке и т.д. и слушателям после этого не только легче было слушать музыку, но им это хотелось.

ВЕСЁЛАЯ ИГРА БЕЗ НИЧЬИХ

Дмитрий Борисович Кабалевский (1904-1987) был удостоен самых почётных наград и обладал кажется всеми регалиями, предусмотренными в нашей стране для

работников искусств: Герой Социалистического труда и народный артист СССР, лауреат Ленинской и четырежды Государственных премий, заслуженный деятель искусств РСФСР и доктор искусствоведения, профессор Московской консерватории и действительный член Академии педагогических наук.

А в памяти народной остался композитор, главные темы творчества которого – мир, любовь, дружба, торжество добра над злом – вечные и волнующие всех людей. Уже несколько поколений детворы поют артековские произведения Д. Кабалевского и, наверняка, любой десятиклассник прощается со школой под мелодию его песни «Школьные годы».

Много лет возглавляя в Союзе композиторов комиссию по музыкально-эстетическому воспитанию детей и молодёжи, Дмитрий Борисович зарекомендовал себя поистине необыкновенным лектором, которого художники Кукрыниксы метко окрестили «Народным музыкальным университетом».

Жизненный и творчески облик композитора отличали широта культуры и разносторонность художественных интересов. Да и тяга к музыке пробудилась в будущем композиторе почти одновременно с другими художественными интересами. С детства увлекался Дмитрий Борисович спортом: лыжами, теннисом, волейболом, любил состязание по гребле. Привлекали его и интеллектуальные соревнования (особенно китайская игра маджонг), а также решение ребусов, шарад, игра в слова. Неравнодушен он был и к шахматам.

В посвящённом Д.Б. Кабалевскому телефильме «Быть нужным людям» есть кадры, запечатлевшие его за шахматами. Звучит знакомый миллионам радиослушателей голос композитора: «Я был во дворце пионеров на лекции Котова, который рассказывал о молодых шахматистах. И сетовал на то, что они не учатся мыслить, а только заучивают варианты. И, вот, бывает, молодой человек сделает по памяти двадцать ходов, получает отличную позицию, а затем первым же самостоятельным ходом проигрывает партию... И в школе у нас, к сожалению, преобладает такая система: учитель говорит, а ученик запоминает».

Шахматный фрагмент вошёл в фильм не случайно. Дмитрий Борисович относился к шахматам с интересом. Об этом знали его коллеги и однажды вручили ему за победу в викторине шахматный столик.

«Скука – убийца жизни и трижды убийца искусства», – сказал как-то Д. Кабалевский. В его музыке преобладают светлые тона, жизнерадостность, задор, юмор. Своему кредо он оставался верен и в шахматах. Играл не очень сильно, но ни в коем случае не скучно. Его партии никогда (очень редко) не завершались мирно.

В шахматном первенстве Дома творчества композиторов (Иваново, июль 1947 г.) Дмитрий Борисович занял место в середине итоговой таблицы, но сумел нанести единственное поражение победителю турнира – своему сыну Юрию – ныне известному в шахматном мире международному арбитру и кандидату в мастера.

Кабалевский Ю. – Кабалевский Д.

Диаграмма № 1

Белые: Крс1 Фd4 Лd6 Лh1 Са3 пп a2 b2 c6 f2 g2 h2 (11)

Чёрные: Крг8 Фе7 Ле5 Лf8 пп a6 f7 g7 h7 (8)

Положение белых явно предпочтительнее, но последовало 24. Ле4 25. Лd8 Фg5+! 26. Фd2 Л:d8! И белые сдались.

Дмитрий Кабалевский не был серьёзным противником для сильнейших шахматистов-музыкантов первокатегорников Д. Ойстраха и С. Прокофьева. Зато на равных играл с Я. Флиером, В. Белым, Б. Хайкиным, Я. Заком, М. Раухвергером. И обычно брал верх над В. Мурадели, Е. Жарковским и В. Фере.

Частенько играл Д.Б. Кабалевский с доктором экономических наук Ю.Е. Шенгером, с которым дружил с детских лет. В 1954 г. во время матча между М. Ботвинником и В. Смысловым, Д. Кабалевский и Ю. Шенгер провели свой матч из 24 партий, встречаясь за доской в игровые дни поединка на мировое первенство. В отличие от завершившегося вничью матча гроссмейстеров, у музыканта с учёным упорной борьбы не получилось – Д. Кабалевский победил очень убедительно 18:6 (без ничьих).

Дмитрий Борисович был лично знаком с М. Ботвинником, И. Каном, а с А. Котовым долгие годы поддерживал дружеские отношения. Познакомились они в 1951 г. в Кисловодске, когда у гроссмейстера, дававшего сеанс одновременной игры, сумел выиграть Ю. Кабалевский.

А 18 августа 1956 г. Дмитрий Борисович Кабалевский сам получил приз – книгу «XXI чемпионат СССР» с надписью: «Д.Б. Кабалевскому за успешное выступление в сеансе гроссмейстера А.А. Котова в день открытия ЦШК СССР». Так был отмечен, вероятно, лучший результат композитора в практических шахматах. Но Дмитрий Борисович продолжал интересоваться шахматной жизнью, посещал крупнейшие соревнования. Незадолго перед смертью композитор побывал на проходившем в Москве чемпионате мира среди незрячих шахматистов, где его сын возглавлял судейскую коллегию.

В одной из бесед с детьми Дмитрий Борисович заметил: «Если бы не было науки, люди были бы безграмотными, тёмными и беспомощными в борьбе с природой. А если б

не было искусства, люди были бы сухими, чёрствыми, бездушными, как машины-автоматы».

Сказанное выдающимся композитором справедливо и по отношению к шахматному искусству.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЮРИЯ КАБАЛЕВСКОГО

(штрихи к портретам музыкантов)

Давно подмечено, что между шахматами и музыкой существует связь. И даже само слово «композитор» роднит эти два вида искусства. Так в «Кратком словаре иностранных слов» (7-ое изд., М., 1952) читаем: «Композитор (от лат. *«compositor»*) – сочинитель, составитель – 1) автор музыкального произведения; 2) составитель шахматных или шашечных задач и этюдов».

И не случайно, конечно, шахматами увлекались знаменитые композиторы А. Лядов, С. Танеев, А. Скрябин, С. Рахманинов, Д. Шостакович, Д. Кабалевский. Сильными шахматистами-практиками признавались Д. Ойстрах и С. Прокофьев.

Список композиторов, отдававших шахматам часть своего досуга, удалось пополнить, благодаря записной книжке, в которой находятся таблицы проходивших в первые послевоенные годы шахматных первенств Дома творчества композиторов и записи партий, иггранных владельцем книжки с известными музыкантами.

Несколько слов о владельце книжки. Это – Юрий Кабалевский – сын выдающегося советского композитора Дмитрия Кабалевского. Юрий Дмитриевич – человек довольно известный в шахматном мире. Он – международный арбитр, судил множество крупнейших соревнований, был лично знаком с восемью чемпионами мира (начиная с М. Эйве, за исключением Р. Фишера). Шахматами Юрий Кабалевский начал заниматься в 1945 г. во Дворце пионеров. В сеансах одновременной игры сражался, и не без успеха, с выдающимися гроссмейстерами В. Смысловым, Т. Петросяном, П. Кересом, А. Котовым, Ю. Авербахом, Д. Бронштейном, С. Флором, В. Рагозиным. Позднее в вузовских соревнованиях на равных играл с будущими мастерами Б. Постовским и А. Садомским. Достигнув уровня кандидата в мастера, Юрий Кабалевский и поныне регулярно подтверждает свой разряд. Много внимания уделяет кандидат педагогических наук Ю. Кабалевский воспитанию юных шахматистов.

...Летом 1945 г. Дмитрий Кабалевский организовал первый турнир на первенство Дома творчества Союза советских композиторов (город Иваново) и сам принял на себя функции судьи. Победил Юрий Кабалевский – 4,5 очка из 6. Едва закончился турнир, как в августе прошёл новый – интересный тем, что его итоги скреплены подписью главного

судьи – Сергея Прокофьева. В двухкруговом соревновании первенствовал А. Муравлёв – 8,5 очков из 10, опередив А. Животова – 7,5, Ю. Кабалевского – 6, Д. Кабалевского – 5, О. Зикса и Ю. Майзеля – по 1,5.

В августе следующего 1946 г. Юрий Кабалевский стал победителем первенства Дома творчества композиторов, взяв верх не только над отцом, но и другими известными музыкантами В.А. Белым, Е.Э. Жарковским, С.А. Юдаковым. Под дипломом, выданным победителю, стоит подпись главного судьи и уже в то время известного композитора Вано Мурадели. Сохранил звание чемпиона Ю. Кабалевский и в 1947 г., набрав в двухкруговом турнире 8,5 очков из 10. На последующих местах оказались В.А. Белый – 7,5, М.Р. Раухвергер – 6, Д.Б. Кабалевский – 5, В.Г. Фере – 3, А. Красногладов – 0.

На сей раз главный судья Даниил Шафран (ныне – признанный выдающийся виолончелист, народный артист СССР, а в то время студент Ленинградской консерватории) потребовал, чтобы партии записывались, и мы имеем возможность привести текст некоторых поединков, иггранных популярными композиторами.

Среди участников первенства Дома творчества композиторов самым опытным шахматистом был автор знаменитого «Орлёнка» Виктор Белый, имевший вторую категорию.

Ю. Кабалевский – В. Белый

Иваново, 1947 г.

Защита двух коней

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cc4 Kf6 4. Kg5 d5 5. ed Ka5 6. Cb5+ Cd7 7. C:d7+ Ф:d7 8. Фе2 Cd6 9. d4 K:d5 10. de Cb4+ 11. c3 Ce7 12. 0-0 (12. e6!) C:g5 13. C:g5 h6 14. Ch4 g5 15. Cg3 0-0-0 16. Лd1? Фc6 (Kf4!) 17. Kd2 h5 18. f3 h4 19. Cf2 Kf4 20. Фе4 Ф:e4 21. K:e4 Kc6 22. Л:d8+ Л:d8 23. K:g5 K:e5 24. Ce3 Kfd3 25. Лd1 Kc4 26. Cf2 K:b2 27. Лd2 Kc4 28. Лd1 f6 29. Ke4 h3! 30. g3 Ke5 31. K:f6 K:f3+ 32. Kpf1 K:h2+ 33. Kpe2 Ke5 34. Л:d8+ Kp:d8 35. g4 Khf3? (35. ...Khg4!) 36. Kh5 h2 37. Kg3 Kg1+ 38. Kpf1 K:g4 39. C:g1 hgФ+ 40. Kp:g1. Ничья.

Третье место в первенстве композиторов занял М. Раухвергер (впоследствии народный артист Киргизской ССР, автор нескольких балетов и оперы «Снежная королева», много лет удерживающейся в репертуаре крупнейших музыкальных театров страны).

М. Раухвергер – Ю. Кабалевский

Дебют слона

1. e4 e5 2. Cc4 Kf6 3. d3 Cc5 4. Cg5 d6 5. Kf3 0-0 6. 0-0 Cg4 7. Kc3 Kc6 8. Kd5 Kd4 9. C:f6 gf 10. Фc1 K:f3+ 11. gf C:f3 12. Фh6 Kph8 13. K:f6?? Лg8+! 14. K:g8 Ф:g8+. Белые сдались.

С именем композитора В. Фере, внесшего большой вклад в развитие музыкальной культуры Киргизии, связано немало страниц в летописи музыкальной жизни.

В. Фере – Ю. Кабалевский

Испанская партия

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 a6 4. C:c6 dc 5. d3 Cg4 6. Ce3 Фf6 7. Kbd2 0-0-0 8. 0-0 h6 9. Фb1 Cb4 10. c3 Ca5 11. b4 Cb6 12. a4 Фd6 13. d4 ed 14. Kc4 Фg6 15. K:b6+ cb 16. Ke5 Фе6 17. cd Ch5 18. f3 f6 19. Kd3 Ke7 20. Фc2 Лd7 21. Cf2 Cg6 22. d5 K:d5! 23. ed Ф:d5 24. Kf4 C:c2 25. K:d5 Л:d5 26. C:b6 Ле8 27. Лfc1 Ле2 28. h3 Лdd2 29. g4 Лg2+ 30. Kph1 Лh2+.

Белые сдались.

Став двукратным чемпионом Дома творчества композиторов, Ю. Кабалевский принял вызов на матч из десяти партий Д.Д. Шостаковича. Итог поединка 5:5.

Последний турнир композиторов, следы которого остались в записной книжке, состоялся в 1948 г. в Келломяки (ныне – г. Комарово, Ленинградской обл.). Первенствовал известный композитор и педагог из Ленинграда Олег Евлахов – 5,5 очков из 7. Ю. Кабалевский отстал на пол-очка. 4,5 в активе занявшего третье место Б. Савельева – автора балета «Алладин и волшебная лампа». Намного отстали от победителей В. Белый и преподаватель Ленинградской консерватории В. Волошинов.